

ИВАН КОЖЕМЯКО

Прошлое в свете настоящего

Иван Кожемяко

Прошлое в свете настоящего

«Издательские решения»

Кожемяко И.

Прошлое в свете настоящего / И. Кожемяко — «Издательские решения»,

Книга «Прошлое в свете настоящего» воссоздаёт историю храма Петра и Павла села Добродеевка (XIX–XXI вв.). Через переплетение исторических фактов и художественных образов автор показывает живую связь поколений: вера и традиции соединяют прошлое и настоящее, сохраняя память малой родины. На обложке — предполагаемый облик храма после завершения реставрации; сейчас восстанавливаются купол и звонница. Откройте книгу — и станьте частью этой духовной истории.

© Кожемяко И.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Истоки: от села к храму (XVIII в. — 1848 г.)	7
Глава 1.1. Основание Добродеевки (первая половина XVIII в.)	7
«От пенька до села: путь первых»	7
Глава 1.2. Первый храм Рождества Богородицы (вторая половина XVIII в. — 1848 г.)	10
«Колокол, зовущий к покаянию»	10
Часть II «Рождение храма Петра и Павла (1848—1851)»	14
Глава 2.1 «Последствия пожара 1848 г.»	14
«Когда ветер стал врагом: день пожара»	14
Глава 2.2. Строительство нового храма	18
«От руин к молитве: как вставал новый храм»	18
Глава 2.3. Освящение храма	22
«День, когда храм стал домом Господним»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Прошлое в свете настоящего

Иван Кожемяко

*«Азъ есмь светъ миру: ходяй по Мнѣ не имать ходити во тмѣ, но
имать свѣтъ животный».*
(Иоан. 8:12)

Фото на обложке Иван Николаевич Кожемяко

© Иван Кожемяко, 2026

ISBN 978-5-0069-7841-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Скрип дверей. Звон колоколов. Ветер за окнами храма — всё хранит память. Не ту, что записана в книгах, а ту, что ощущается: тихую, настойчивую, почти болезненную, если прислушаться. Стоишь, смотришь на храм: форма здания, купола, звонница... И кажется, что стены помнят всё.

Прихожане храма, их заботы и радости, труд и молитвы — всё осталось где-то рядом: в воздухе, в пространстве, на улицах села. Невольно возникает желание удержать это хоть на миг — в словах, в рассказе, в дыхании книги.

Документы, публикации, исторические материалы — основа. Даты, события, сведения о жизни прихода и его людях — без них не обойтись. Но сухие цифры и отчёты сами по себе безжизненны. Чтобы прошлое ожило, чтобы его можно было почувствовать, нужно увидеть переплетение будней и торжеств, молитв и забот — глазами тех, кто жил, молился, трудился. Только так оно становится настоящим, живым.

Прошлое проявляется в мелочах: в очертаниях куполов, устремлённых в небо; в перекрестьях улиц, ведущих к храму; в старых воротах, помнящих крестные ходы; в звоне колоколов — то торжественном, как на Пасху, то скорбном, как в Великий пост. В привычках людей, где молитва соседствует с трудом, а в доме всегда найдётся место для иконы и лампады.

Храм постепенно обретает новый облик, но в нём по-прежнему чувствуется дыхание времён — прошлое не ушло бесследно. Оно тихо шепчет в пространстве, оживляет и заставляет думать, заставляет чувствовать.

Эта книга — попытка передать это дыхание, уловить жизнь прошлого, показать, как оно переплетается с настоящим. Читатель не просто узнаёт события, но и ощущает, как люди трудились и молятся, сохраняли и берегли храм в трудные времена, порой даже не осознавая значения своих поступков.

Признаюсь: задолго до того, как я взялся за написание книги, многие сцены впервые возникли в моих размышлениях — словно из прошлого. Голоса, жесты, свет в окнах храма, шелест листвы у ограды — всё это появлялось с поразительной ясностью. Эти видения стали живыми свидетельствами, подсказками к забытым историям.

Я не стремлюсь к документальной точности в каждом эпизоде. Задача — не холодная реконструкция, а передача живого присутствия прошлого. Если читатель почувствует, как дышит история, как звучат шаги ушедших поколений — значит, эти сны и образы не были напрасны.

Соединяя прошлое и настоящее, книга несёт историю храма: его строительство, испытания, возрождение. Читая и размышляя, вспоминая и осмысливая, вновь и вновь обращаясь к прошлому, мы бережно храним память о нём.

*Шёпот веков — в словах,
дыхание храма — в строках.*

Иван Кожемяко

Часть I. Истоки: от села к храму (XVIII в. — 1848 г.)

Глава 1.1. Основание Добродеевки (первая половина XVIII в.)

1.1.1. Художественная реконструкция

«От пенька до села: путь первых»

На холме, где сосны шумят над берегом, открывается вид на первую весну. Она выдалась сырой. Ветер — резкий, речной — гонит ключья тумана, свистит в ветвях. А внизу, у самой воды, мужики рубят избы «в обло». Топоры стучат мерно, звонко — эхо катится по густым лесам.

Два сруба уже стоят: соломенные крыши не закончены, но брёвна пахнут смолой — терпко, свежо. Пётр Огородник, старший, в грубом армяке и лаптях, втыкает в землю берёзовый кол. Обводит рукой пространство от реки до леса:

— Улица тут пройдёт. Прямо от воды к соснам, без загибов. Чтоб идти сподручно, телегу катить без тряски. А вон за холмом, гляди, бугор высокий — там амбар и поставим. Общественный. Зерно сухое будет. А если огонь — подальше от изб. Добро наше сохраним.

Рядом хлопочут женщины. Развешивают пучки зверобоя и мяты у временных шалашей — от комаров, от мошки, чтобы воздух оставался целебным. Старшая Марфа — в тёмном сарафане, белом платке — покрикивает на девушек в клетчатых понёвах:

— В тени вешайте, девки! На солнце вся целебность выветрится — какая тогда польза?

Дети бегают, кур гоняют, смеются. Камешки в реку бросают. Мальчонка лет семи — в длинной рубахе до колен, в лаптях — подбегает к Петру:

— Дядька Пётр, а баню когда рубить начнём?

— погоди, Миколка, — усмехается Пётр. — Сперва избы поставим, да амбар. А баню — на тёплое лето. Даст Бог, всё успеем.

Старуха Марфа разводит костёр. Чугунный котёл на треноге уже наполняется водой. Скоро будет каша ячневая с диким луком — первая трапеза на новой земле. Прежде чем опустить крупу в кипяток, Марфа перекрестилась, шепнула:

— Господи, благослови.

В воздухе густой аромат: дым, крупа, дикий лук. Мужики, закончив с брёвнами, подходят к огню. Греют руки, перекидываются короткими фразами. Один, снимая шапку, бормочет:

— Слава Богу, день прошёл.

Воздух пахнет дымом, свежей землёй, смолой. Вдалеке мычит корова. С опушки доносятся песня зяблика — первая весенняя трель, звонкая, как капель. Весна всё же пришла.

К полудню собираются все. Пётр встаёт на пенёк — остаток свежесрубленной ели — и поднимает руку:

— Ну, братцы да сестрицы, благословим сие место молитвой. Да будет оно под покровом Божиим для нас и потомков наших. Да подаст Господь урожай обильный, да упасёт от огня, голода и всякого зла.

Люди перекрестились, поклонились на восток. Старший негромко начал:

— Отче наш, Иже еси на небесех...

Остальные вторили — кто шёпотом, кто только мыслью. Когда молитва завершилась, кто-то тихо запел духовный стих о земле и хлебе. Голоса слились, и в воздухе будто стало теплее.

По вечерам у костра люди греются, сушат одежду, делятся новостями. Кто-то чинит лапти, кто-то точит топор. Самые опытные рассказывают, как в прошлом году соседнее село чуть не сгорело от искры. Учат молодых осторожности, прибавляют:

— Без Божьего покрова и изба криво встанет.

По выходным — всей общиной в лес. За грибами, за ягодами. А после, у костра, не только мирские песни поют — вспоминают тропари, что слышали от бабушек. Один из стариков, поглаживая бороду, замечает:

— На Троицу надо бы берёзовыми ветками избы украсить. Так исстари повелось.

День за днём, неделя за неделей — Добродеевка обретает черты настоящего села. Чувствуется, как здесь рождается жизнь: в стуке топоров, в запахе дыма, в голосах людей, в песне зяблика на опушке. И в том тихом свете, что льётся от маленькой иконы в углу временного шалаша, — словно знак: место и вправду под покровом.

1.1.2. Историческая справка

В 1713 году впервые мелькнуло в документах имя слободки Добродеевка. Поселение, входившее в Чолховскую волость Стародубского полка, получило название от землевладельца О. М. Доброедя — словно печать, скрепляющая связь земли с именем хозяина.

Переселенцы брались за дело крепко: лес под пашни расчищали неутомимо, избы рубили из сосны да ели, крыши крыли дёрном или соломой — так строили в те времена. В каждом ударе топора, в каждом уложенном бревне чувствовалась воля к укоренению на новой земле.

Жизнь слободы держалась на двух опорах: реке и дороге. Река поила, кормила, связывала с дальними местами; а дороги открывали путь к торговле и обмену — зерно и скот меняли на железо, соль, иные нужные вещи. Так, через труд и расчёт, складывался быт.

Хозяйство шло вразнобой: пахали, пасли скот, мастерили. Но крепче всего держалась община. Совместно делили пашни, чинили дороги, блюли порядок. Староста, как посредник между людьми и землевладельцем, умел и спрос держать, и спор уладить — без его руки дело бы рассыпалось.

К середине XVIII века Добродеевка обрела черты устойчивого поселения. Люди притёрлись к земле, наладили хозяйство, научились жить сообща. Но настоящий перелом наступил в 1770 году, когда императрица Екатерина II пожаловала Чолховскую волость, вместе с Добродеевкой, графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Это не просто сменило хозяина — это подняло статус слободы, дало ей новый воздух для роста.

Со временем дорожная сеть совершенствовалась, связи с соседями крепили, а община набирала вес в решении дел. Помимо хлеба, люди освоили новые промыслы: выгоняли дёготь, готовили пеньку из конопли. Пеньку везли в старообрядческие слободы, дёготь — в Семёновку, Глухов, Новгород-Северский. Так, шаг за шагом, расширялись горизонты.

О численности жителей судить трудно: ревизии считали лишь мужское податное население. Но если взглянуть на обычные крестьянские семьи той поры, видно — людей становилось больше. Они не просто жили, они вращались в землю, строили будущее.

К 1780 году Добродеевка уже не была временным поселением. Она обрела устоявшийся уклад и надёжное хозяйство, живую общинную жизнь. Здесь уже не осваивали землю — здесь на ней утвердились.

1.1.3. От автора

Скажите, разве история — это только даты и факты? Нет. Это дыхание жизни, которое не угасает, даже когда имена забыты.

Представьте XVIII век. Люди идут в неизвестность — с узлами за плечами, с детьми на руках. Не от избытка, а от нужды. Не по приказу, а по воле сердца. Они знают: впереди — лес, холод, непосильный труд. Но идут. Почему?

Потому что вера — это не слова у алтаря. Вера — это шаг в темноту, когда ты говоришь себе: «Там будет свет».

Надежда — не мечта о райской жизни. Это лопата в руках, когда понимаешь: «Я сам вырою себе будущее». А ещё — горсть семян, бережно сохранённых для посева, несмотря на голод прошедшего года.

А любовь к детям? Это спина, согнутая над пашней: «Пусть им будет легче, чем мне». Это руки матери, стирающие одежду в ледяной воде, чтобы дети были в чистом.

Они не ждали. Не говорили: «Вот когда...» Не искали оправданий. Они брали топор — и рубили лес. Лопату — и поднимали пашню. Камень — и складывали печь. Каждый день — маленький подвиг, каждый шаг — утверждение жизни.

А теперь спросите себя: что из этого осталось в нас? Умеем ли мы начинать с нуля — без гарантий, без «идеальных условий»? Способны ли мы сказать: «Я помогу» — не словом, а делом? Готовы ли мы думать дальше сегодняшнего дня — ради детей, которым предстоит жить в том будущем, что мы сейчас создаем?

Посмотрите на это село. Оно выросло не из земли, а из воли людей. Не благодаря богатству, а вопреки нужде — терпением и трудом. Не из случайности, а из ежедневного выбора: встать и идти, взять и сделать, выдержать и выстоять.

Сегодня, когда мы говорим о традициях, давайте не будем обманываться. Традиции — не пыль. Традиции — это: когда идёшь помогать соседу, зная: завтра он сделает то же; когда отдаёшь последнее, потому что иначе нельзя; когда знаешь: дом — это люди, делящие с тобой и хлеб, и горе, и радость.

Так было. Так есть. Так должно быть.

И если мы хотим, чтобы Добродеевка жила не только в архивах, но и в наших сердцах, давайте вспомним слова, рождённые этой землёй:

«Сила — не в камне. Сила — в том, кто его поднимает. Вера — не в словах. Вера — в том, кто идёт вперёд, хотя бы и во тьме».

Это их урок. Это наш путь. И в каждом из нас живёт частица той воли, что когда-то подняла это село из небытия.

Глава 1.2. Первый храм Рождества Богородицы (вторая половина XVIII в. — 1848 г.)

1.2.1. Художественная реконструкция

«Колокол, зовущий к покаянию»

Во второй половине XVIII века, по благословию духовному и дозволению землевладельца, взялись в Добродеевке храм ставить — Рождества Пресвятой Богородицы. Место выбрали у кладбища, на небольшом приподнятом участке. Село как на ладони, а если ветер с востока — колокольный звон по округе разносится, к молитве призывая.

Возглавил работу мастер плотницкий Иван Макаркин — из соседнего уезда, по благословию призванный. В помощь ему поставили Тимофея Огородника да Кузьму Волкова — мужиков крепких, знающих.

Иван с топором в руках перебирал брёвна, приглядывался к свету и скрипу лесины:

— Рубим, братцы, в чашу — да будет крепко, да ровно, да на долгие годы. Брёвна берите сосновые, ровные, без сучка, без трещины. На века ставим, не на один год. Чтоб детям нашим и внукам радость была.

Старики кивали, поправляли:

— Смотри, Иван, чтоб мох плотно в пазах лёг. Крышу — двускатную, тёсом крыть. Вода стекать будет, снег не задержится. Дело наше богоугодное. Спешить — грех, а торопиться — тем паче.

Работа кипела всем селом. Мужики лес валили, брёвна тесали; подростки мох таскали — спины гнули, но не жаловались; женщины Прасковья и Евдокия готовили еду, холсты и яйца приносили в знак благодарности. Кто шептал молитву, кто крестик целовал, кто тихо просил:

— Господи, помоги делу сему.

Воздух пах смолой и свежим деревом, щекотал нос. Примешивался запах печного хлеба — бабы пекли для артели. Подходили, трогали брёвна — тёплые от солнца, гладкие, ещё пахнущие стружкой. Дерево словно шептало: «Стоять буду».

Храм возвели по русскому обычаю: клетская церковь с трапезной и небольшой колокольной. Трапезная с западной стороны — после службы толковали о делах прихода, отдыхали душой. Колокольная — скромная, с одним колоколом. Но звон её по воскресеньям и праздникам собирал всю округу к молитве, будил ото сна греховного, звал к покаянию.

Окна сделали маленькие, со ставнями — зимой тепло держали. Причелины резные — не для хвастовства, а чтоб глаз радовался, душа к молитве тянулась. Резьба — каждая линия выточена с заботой, без пышности, но с красотой внутренней.

Крест на главке Иван выстругал сам — ровный, строгий. Солнце ложилось на стружку, словно благословение.

Когда основные работы завершили, назначили день освящения. Послали просьбу батюшке из соседнего села. В воскресенье он приехал и совершил чин освящения: окропил святой водой стены и престол, отслужил молебен, благословил всех крестным знаменем. Стояли в толпе, крестились, утирали слёзы радости. Теперь у них был свой храм, свой приход.

Голоса слились:

— Слава Тебе, Господи, за милость!

— Благослови дом сей — да будет он прибежищем душ, утешением в скорби, радостью в праздник, оградой от беды.

— Даруй нам жить по заповедям Твоим: в мире, в согласии, в любви друг ко другу.

А храм стоял — скромный, деревянный, срубленный топором и молитвой. Ни золота, ни камня, ни сводов высоких. Но труд, вера и общность — крепче камня.

1.2.2. Историческая справка

Во второй половине XVIII века в Добродеевке был сооружён первый храм — Рождества Пресвятой Богородицы. По документам, первое упоминание о нём относится к 1781 году. Храм поставили у кладбища, что и ныне на улице Луговой. В ту пору село было невелико — всего 21 двор.

Большую помощь в строительстве оказал граф Румянцев. На его средства возвели церковь — и это стало свидетельством заботы о духовной жизни прихода.

В 1783 году, после распространения крепостного права на Левобережную Малороссию и Слобожанщину, крестьянская жизнь в Добродеевке строго регламентировалась. Труд и повинности подчинялись уставу. При этом приход, как духовное ядро села, обрёл особую стойкость.

В дни престольного праздника Рождества Богородицы прихожане собирались вместе. Молились. Делили трапезу. Помогали тем, кто в нужде. В молитве и совместном труде находили силы переносить тяготы быта, хранить веру и обычаи предков.

К началу XIX века Добродеевка вошла в состав Денисовичской волости Новозыбковского уезда. Это определило порядок сбора податей, подчинение уездным властям, участие в общих делах. Но ритм жизни задавал не чиновник, а церковный календарь. После Масленицы начинались полевые работы, к Покрову завершали заготовки. В Рождественский пост наступала тишина — время ожидания чуда.

В 1812 году, во время Отечественной войны с Наполеоном, жители Добродеевки дружно встали на защиту родной земли. Сдавали продовольствие — ржаную муку, крупу, соль. Платили подати по 50 копеек с двора. А несколько отважных сельчан вступили в ополчение.

В храмовые праздники и в дни скорби люди собирались вместе. Молились за воинов. Ставили свечи за здоровье и упокой. Так община показала: в годину испытаний она едина.

В 1823 году, согласно переписи, за графом С. П. Румянцевым числилось 156 душ мужского пола в Добродеевке. После его смерти 24 января 1838 года село перешло во владение графа П. И. Апраксина I. К 1848 году Добродеевка уже прочно находилась в его руках.

Недалеко от села — в двух верстах, на хуторе Любин, — работал стекольный завод. Выпускал склянки (бутылки), и это говорило о живом пульсе округи: крестьяне зарабатывали не только земледелием. Порой мастера из Любина приходили в приходский храм, ставили свечу и благодарили за удачный промысел.

К середине XIX века Добродеевка сложилась как крепкое село, где духовная, хозяйственная и общественная жизнь составляли единое целое. Сердцевина этого единства — храм.

В его стенах совершались богослужения и главные таинства. Крещения — когда младенец становился чадом Церкви. Венчания — когда двое обретали единый путь. Отпевания — когда община провожала ушедшего в последний путь. Здесь же проходили сельские сходы — места, где решались общие дела.

Звон колокола созывал людей на службу. В праздничные дни храм наполнялся пением и светом свечей. Для прихожан он был не просто зданием: в его стенах обретали духовную опору, делили радости и невзгоды, поддерживали друг друга в молитве.

Через приход верующие усваивали важнейшие уроки. Помогать ближним — не ожидая награды. Хранить нравственные устои — даже когда трудно. Поддерживать связь с епархией — как с духовным центром.

Приходская жизнь пронизывала весь быт сельчан — от повседневных забот до ключевых событий судьбы. Здесь находили утешение. Здесь скреплялись семейные союзы. Отсюда провозжали ушедших.

Итак, вплоть до 1848 года Добродеевка жила как дружный православный приход, где церковь была опорой и хранителем традиций, местом, объединявшим людей в радости и скорби. И каждый знал: за спиной — община, а над головой — крест.

1.2.3. От автора

А что, если храм — не просто стены и купола? Что, если это — сердце села, центр, вокруг которого сходятся люди, их заботы, радости и молитвы? Размышляя о храме Рождества Пресвятой Богородицы в Добродеевке, я чувствую: он — не здание. Он — память. Память о тех, кто строил, кто молился, кто страдал и радовался. Он — нить, связывающая мёртвых и живых.

Представьте: вторая половина XVIII века. Добродеевка. Несколько десятков дворов. Избы. Огороды. Тропинки. Всё — простое, земное. Люди пашут, кормят скот, растят детей. Но чего-то не хватает. Не хватает места, где можно встать вместе и ощутить: мы — не разрозненные единицы, а единое целое.

И вот — храм. Его строят всем селом. Кто-то тащит бревно — спина гнётся, пот катится. Кто-то копает фундамент — земля холодная, упрямая. Кто-то мастерит оконные рамы — руки в смоле, в щепках.

А рядом — мастер. Не кричит, не командует. Тихо подсказывает: «Тут крепче... Тут ровнее...»

Это не стройка. Это — рождение прихода. Люди учатся договариваться, уступать, помогать. Храм становится их общим делом — и потому сразу своим, родным, бесценным.

А потом — он живёт. Сюда приходят за помощью. Шепчут: «Господи, спаси от болезни...» Молятся: «Благослови на труд...» Просят: «Научи, как жить...»

Здесь крестят младенцев — смех, слёзы, свечи. Здесь венчают молодых — надежда, трепет, обещание. Здесь отпевают ушедших — тишина, боль, прощание.

Священник учит детей буквам и молитвам, прихожан — терпению и смирению. Споры? Улаживает. Беду? Разделяет. Храм становится школой, где люди постигают главное: как смотреть друг другу в глаза; как делить радость и горе; как помнить, что ты — не один.

Праздники. Храм полон. Приход собирается вместе: обнимаются, угощают друг друга. Потом — на околицу, к реке. Гармонь. Песни. Хороводы.

А в будни — тишина. Кто-то заходит поставить свечу. Кто-то просто стоит, слушает собственное сердце. И чувствует: здесь — опора.

Но главное — храм задаёт ритм. Он напоминает: есть не только хлеб, но и дух; есть не только «моё», но и «наше». Неурожай? Собирают помощь для бедных. Пожар? Все идут строить новую избу. Эпидемия? Священник идёт к больным, прихожане несут еду тем, кто не может выйти.

Так рождается традиция — не по указу, не по закону, а по сердцу. Передаётся от отца к сыну, от матери к дочери. И крепнет связь между сёлами. В метрических книгах — следы того, как добродеевцы помогают соседям, участвуют в общих молебнах, делятся последним. Церковь становится мостом между людьми — не политикой, а верой; не силой, а милосердием.

XVIII век. В Добродеевке — 138 жителей. Мало? Да. Но это — семья. Не по крови, а по духу. Их связывают не только соседство, но и общие молитвы, общие праздники, общие беды.

Административный порядок? Есть. Черниговская епархия. Благочиннический округ. Визиты благочинного. Но это — не гнёт. Это — напоминание: вы — не сами по себе. Вы — часть большой семьи.

А для меня... Для меня храм — это голос. Голос тех, кто не писал книг, не оставил мемуаров. Но кто жил, кто строил, кто помогал, кто молился, кто праздновал, кто поддерживал.

Я смотрю на эти страницы истории — и слышу их. Слышу, как они говорят без слов. Как их поступки — громче любых трактатов.

Храм — не только место для молитв. Храм — школа. Школа доверия. Школа милосердия. Школа жизни.

Я спрашивал себя: кто же учил их? Не книги. Не проповедники. А сам храм — его двери, открытые для всех; его свечи, горящие за каждого; его колокол, зовущий воедино. Он учил: смотреть друг другу в глаза; делить радость и горе; помнить, что ты — не один.

И потому приход, родившийся у храма Рождества Богородицы, стал основой. Основой уклада. Основой судьбы села. На весь XIX век.

Так, с первого венца, с первой общей молитвы, началась история. История не камня и дерева, а сердец. Сердец, которые, даже умолкнув, продолжают говорить.

Часть II «Рождение храма Петра и Павла (1848—1851)»

Глава 2.1 «Последствия пожара 1848 г.»

2.1.1. Художественная реконструкция

«Когда ветер стал врагом: день пожара»

Август, двенадцатое число. Полдень. Солнце стояло в зените, но вместо тепла — сухая, колючая жара. Воздух застыл, будто смола, а потом вдруг дрогнул: ветер рванул по селу — не ласково, как обычно, а с хрипом, с угрозой. Хлопнул ставней, взметнул пыль, погнал по улице сухие листья и солому.

В Добродеевке в тот час было людно: бабы возились у колодцев, мужики чинили ограду на выгоне. У Ульяны, на самой околице, окно было распахнуто — она развешивала на верёвке пелёнки, поглядывала на люльку. Младенец болел — это знали все в селе.

И вдруг — резкий треск, будто ломалось дерево, и сразу же ударил запах гари, едкий, пробирающий до слёз.

В тот же миг над крышей кузнеца Трофима поднялся густой чёрный дым — не лёгкий, как от печи, а тяжёлый, клубящийся. Он не таял в воздухе, а сгущался, наливался тяжестью, словно сам воздух обратился в пепел.

Под дымом уже проступали багровые отблески. Искры летели вверх, ветер подхватывал их и нёс дальше, будто сеял огонь по селу.

Первый крик Ульяны разорвал полуденную тишь:

— Пожар, люди добрые! Горим, на помощь, скорей!

И село ожило. Двери хлопали, люди выбегали в чём были — в рубахах, в платках. Женщины хватали детей, старики крестились, шепча: «Господи, помилуй...» А огонь уже бежал по крышам, будто зверь: вот занялось гумно, вот вспыхнула ограда, вот запылала солома на соседней избе.

— Горим, мужики! Вёдра, ушаты берите, к колодцу бегом! От избы к избе воду передавайте! Хлев открывайте, скотину выводите! — заревел староста Иван Лукич.

Мужики кинулись в разные стороны. Одни — к крайним избам, чтобы огонь не перекинулся дальше. Другие — к колодцам за вёдрами. Третьи — в хлев, скотину спасать.

Молодой Николашка, весь в поту и копоту, крикнул Ивану:

— Берегись, балка рушится!

Староста отскочил и тут же начал командовать дальше:

— Мирон, бери ребят — тушите крышу у Трофима, не дайте огню на другие избы перекинуться!

Бабы сбились в кучку. Кто-то причитал, кто-то творил молитвы, кто-то хватал рогожи и холсты — сбивать пламя. Дети бегали с вёдрами, спотыкаясь на неровной дороге. Ульяна подхватила младенца из люльки и побежала на окраину села; лицо её было чёрное от копоту, а руки дрожали от жара и страха.

Старуха Агафья, опираясь на клюку, стояла у края толпы и шептала молитву:

— Спаси, Господи, люди Твоя... Спаси и сохрани... Не оставь нас, грешных...

Солнце клонилось к западу, но жара не спадала, а воздух стал густым от дыма, от запаха жжёного дерева и сажи, въедающегося в кожу.

Огонь добрался до храма. Сначала занялась звонница: пламя лизало стропила, подбиралось к крыше.

— К храму, братцы! — хрипло крикнул староста. — Пока не поздно, спасаем святыни! Мужики, задыхаясь в дыму, ворвались внутрь. Пётр, перекрестившись, схватил образ Богородицы, на ходу завернув его в мокрую рогожу. Николашка, кашляя, сорвал другой лик со стены. Дьячок Василий, едва видимый в дыму, хрипло кричал:

— Книги! Книги берите!

Кто-то схватил связку, прижал к груди. Едва мужики выскочили из храма, раздался треск и гул. Колокол рухнул. Крыша обвалилась. Сноп искр и пламя взметнулись вверх.

Люди отступили, держа в руках спасённые святыни — иконы в мокрых рогожах, книги, почерневшие от копоти. Лица их были в саже, одежда рваная, но глаза — твёрдые. А вокруг уже не было чего тушить — только дымящиеся остовы изб и чёрный скелет звонницы. Ветер, прежде раздувавший пламя, теперь разносил пепел по пустоши, словно сеял память о минувшем бедствии.

Тени удлиннились, и в этой полутьме пепелище казалось ещё страшнее. Голоса смолкли. Больше не было команд, не было топота ног. Только ветер шелестел пеплом да изредка трещал недогоревший брус.

Наступила ночь. У развалин колодца сидели люди, поджав колени к груди. Холод пробирался под рубахи, а из темноты доносились редкие всхлипы да шорох пепла, который ветер перекачивал по пустоши. В тишине слышалось лишь: «Господи, помилуй...» — как биение сердца, не желающего смириться с бедой.

А на рассвете, когда небо стало серым, по пепелищу бродили люди. Вместо села — серое поле, покрытое пеплом. В воздухе висел тяжёлый запах гари, но где-то вдаль уже чувствовался слабый аромат свежего хлеба — словно знак, что жизнь не ушла совсем.

Люди не верили глазам, разглядывая остатки домов. Кузнец Трофим поднял с земли обугленный молот. Кто-то нашёл закопчённый горшок — единственное, что уцелело из его дома. Кто-то охнул, подняв с земли почерневшие перья:

— Куры-то... всё, нету кур, родимые...

Тишина. Ни петушиного крика, ни собачьего лая. Только треск догорающих углей да чей-то редкий вздох.

— Будем отстраиваться, — сказал староста. — С Божьей помощью справимся.

Отец Алексей бережно обтёр рукавом сажу с образа Богородицы, поднял святой образ и благословил народ. Люди склонили головы. В лучах утреннего солнца позолота на ризе мерцала, как обещание: «Не оставит Господь...»

Над пепелищем вставало солнце. Его лучи коснулись обугленных стен храма, позолотили края печных труб, скользнули по лицам людей, словно омывая их теплом и надеждой.

У колодца староста раздавал распоряжения:

— Сперва — жильё для стариков и детей. Амбар следом, чтоб зерно хранить... если что уцелело. Потом — избы для всех, по очереди.

Кузнец Трофим, весь в саже, с рваной рубахой, кивнул:

— Лес неподалёку. Сегодня с утра заготовим, распилим.

Отец Алексей тихо произнёс:

— С Божьей помощью справимся. Главное — люди целы. А церковь... церковь отстроим. Ведь не стены святы, а дух, что живёт в сердцах.

Солнце поднималось выше. Ветер, что днём раздувал пламя, теперь мягко шевелил платки и рубахи людей, будто утешая.

Где-то вдаль уже слышались голоса — соседи шли на помощь, неся хлеб, воду и инструменты. И кто-то из них пел — тихо, но отчётливо:

— Спаси, Господи, люди Твоя...

Так начиналось утро новой жизни.

2.1.2. Историческая справка

12 августа 1848 года в полдень в селе Добродеевка вспыхнул пожар. Ветер стремительно разносил пламя — уже через час огонь охватил десятки построек. К закату от поселения остались лишь груды пепла, обугленные остовы печей и почерневшие балки перекрытий. Сгорели все крестьянские дома, исчезли гумна, амбары, хлева — база для восстановления хозяйства. Особенно тяжким ударом стало разрушение церкви Рождества Пресвятой Богородицы: её купол и звонница, долгие годы служившие ориентиром для путников, превратились в руины, а колокольный звон, созывавший жителей на праздники и в минуты опасности, умолк.

Бедствие не случилось внезапно — ему предшествовали три года испытаний, постепенно подрывавшие силы села. В 1847 году пришла эпидемия холеры. Она не оставила ни одной семьи без потерь, унеся жизни многих жителей. Из-за нехватки рабочих рук поля оставались необработанными, а страх перед болезнью сковывал повседневную жизнь: люди избегали скопления, не делали запасов, не строили планов.

Вскоре наступил неурожай. В середине 1840-х годов хлеб не уродился: зерно оказалось мелким и некачественным. Запасы в амбарах иссякли, цены на хлеб резко выросли. К лету 1848 года значительная часть семей испытывала острую нехватку продовольствия, и многие хозяйства оказались на грани разорения.

Положение усугублялось административной зависимостью села. Добродеевка принадлежала тайному советнику графу П. И. Апраксину, и любое решение требовало его разрешения. Крестьяне не имели права уходить на заработки или искать помощь без дозволения помещика и волостных властей. Получение леса для ремонта или зерна в долг также зависело от долгих бюрократических процедур.

Обстановка 1848 года ещё более осложняла ситуацию. В Европе бушевали революции, и российские власти усилили контроль внутри страны. Вводились дополнительные ограничения на собрания, ужесточалась цензура. Даже перевозка зерна требовала специального разрешения. Для Добродеевки это означало, что в случае бедствия помощь могла задержаться или не поступить вовсе.

Таким образом, пожар стал кульминацией системного кризиса. Природные бедствия (неурожай), эпидемия, социально-экономические ограничения и политическая напряжённость ослабили село до предела. Стихия довершила то, что годами подтачивало жизнь Добродеевки: в один день люди лишились крова, средств к существованию и духовного центра. Потеря храма лишь подчеркнула глубину общей трагедии, став зримым символом разрушенного уклада.

2.1.3. От автора

Господи, как это всё близко — хоть и прошло полтора столетия! Читаю про пожар — и словно вижу: вот этот дым, вот эти тени, вот эти лица, почерневшие от копоти... И сердце щемит не только от жалости — от какого-то пронзительного узнавания. Ведь разве не то же самое бывает и нынче?

Вот, скажем, пожар. Он ведь не просто огонь — он зеркало. В его пламени всё становится явным: кто бежит, кто остаётся, кто хватается своё, а кто бросается спасать чужое. Помните, как Ульяна крикнула: «Горим, люди добрые!»? Не «я горю», а «мы горим». В этом — весь народ: беда сразу становится общей.

А вы представьте себя на её месте. Полдень, солнце в зените, но вместо тепла — сухая, колючая жара. Вы стоите у окна, развешиваете пелёнки, поглядываете на люльку... И вдруг — резкий треск, запах гари, чёрный дым над крышей соседа. Что почувствуете? Что сделаете?

Не каждый найдёт в себе силы закричать, позвать на помощь, а не броситься спасать лишь своё. И вот что странно: в этот миг ты вдруг видишь, кто рядом с тобой. Кто смотрит в одну сторону — а кто уже ищет лазейку для бегства.

Но есть и другое. Читаю про крепостное право — и думаю: а разве мы совсем от него избавились? Нет теперь помещиков, нет волостных властей, требующих разрешения на каждый шаг... Но разве нет иных цепей? Кредиты, бюрократия, зависимость от начальства — та же несвобода, только в новом обличье.

Чтобы сделать нужное дело, надо пройти семь кругов согласований. И пока идёшь — может сгореть и дом, и надежда. А ведь именно в такие минуты и проверяется: кто ты? Раб обстоятельств — или хозяин своей судьбы?

А «Весна народов»? О, как это звучит сегодня! Тогда боялись революционных идей, теперь — «экстремистских». Тогда рвали письма, боясь доноса, теперь блокируют соцсети. История ходит по кругу, только декорации меняются.

Главное — как люди держатся в беде. Как староста раздаёт распоряжения, как кузнец Трофим поднимает обугленный молот, как отец Алексей благословляет народ.

Я спрашиваю себя: а смог бы я так? Смог бы, увидев огонь, не побежать, а крикнуть: «Вёдра, ушаты берите!»? Смог бы, потеряв всё, найти в себе силы начать заново? Или просто замер бы, не зная, что делать...

Вот что поражает: даже в аду пожара люди не теряют лица. Не превращаются в зверей, не дерутся за куски хлеба. Они помогают. И это — не героизм, это — норма. Та, что вспыхивает ярче огня, когда приходит беда.

Тишина после пожара — не мёртвая, а звенящая. Где-то капает вода, где-то хрустит уголь. Пепел во рту — горький, как поражение. Холод земли проникает в кости, но руки уже хватают брёвна. И голос старосты — хриплый, но твёрдый: «Первым делом — жильё для стариков и детей. Потом амбар, чтобы зерно хранить. А там и избы...»

А ещё думаю: как хрупок наш мир! Сегодня строишь, завтра — отстраиваешь. Сегодня дом, завтра — пепелище. И только одно неизменно: люди. Те, кто рядом. Те, кто не бросит.

Что мы можем противопоставить огню, холере, неурожаем, бюрократии? Только протянутую руку. Только взгляд без страха. Только слово, сказанное другому: «Держись. Мы вместе».

История дышит через страницы: будто и сейчас стоит в воздухе дым над Добродеевкой. И в этом дыме — не только беда, но и упрямая воля к жизни. Вижу, как из пепла поднимается новое. Как люди, потеряв всё, находят в себе силы действовать. Они не герои. Они просто люди. И в этом — их непобедимость.

Так что же, читатель? Не в том ли урок: когда рушатся стены, остаётся только то, что нельзя сжечь?

Глава 2.2. Строительство нового храма

2.2.1. Художественная реконструкция

«От руин к молитве: как вставал новый храм»

Морозный декабрьский день запомнился навеки. У пригорка, где прежде чернели руины, ныне кипит работа. Воздух звенит от топоров, от людских голосов, от скрипа снега под сапогами. И пахнет... пахнет свежей смолой и дымом из кузнечного горна.

Вокруг — суета, но не бестолковая, а размеренная. Крестьяне в овчинных тулупах перетаскивают брёвна, стряхивая иней с усов. Кто-то покрикивает на лошадей, кто-то сбивает лёд с досок. Всё — неспешно, с оглядкой, с придыхом: знают — дело не простое, дело богоугодное.

— Эй, гляди, чтоб без сучка! — басит плотник, постукивая кулаком по свежему бревну. — На века ставить будем!

Смех прокатывается по стройке, но тут же гаснет — не время для шуток. Работа.

У пригорка — тишина, лишь звуки труда. Видно, как мастер бережно укладывает на закладную доску первые слова:

«Во Имя Отца и Сына, и Святого Духа основывается церковь сия...»

И тут благочинный возвышает голос — начинается молебен. Люди снимают шапки, осеняя себя крестным знаменем. Кто-то шёпотом вторит молитве, кто-то просто стоит, опустив глаза. Каждый сейчас вспоминает своё — кто погибших родных, кто сгоревший дом, кто тот самый миг, когда огонь пожирал старый храм.

Молитва звучит неторопливо, проникновенно. В паузах — лишь скрип стропил, редкий вороний крик да звон молотка, забивающего гвоздь в стропильную ногу. А ещё — тихий перестук полозьев: сани с новыми брёвнами медленно въезжают на площадку. Никто не торопится: здесь каждое слово — как гвоздь в стену будущего храма.

Когда последний возглас тает в морозном воздухе, люди ещё стоят неподвижно, будто боясь разорвать эту тихую связь с Небесами. Потом — сдержанные движения, переглядывания, тихие «аминь».

Благочинный отходит в сторону, а мастер возвращается к доске, поправляет буквы. Кто-то из старших плотников, глядя на начатую надпись, произносит негромко:

— Здесь сошлись царь, архиерей, помещик... А за ними — мы. Без нас — ни бревна не ляжет.

И правда: без них не ляжет.

Плотники рубят сруб — аккуратно, с прилежанием. Один из них, седобородый, с глазами, будто выцветшими от ветров, говорит молодому:

— Ты гляди, как дерево дышит. Оно живое. Ему — почтение, а оно — крепость. Да не забудь: перед началом — «Господи, благослови».

Молодой кивает, берёт топор, начинает тесать. Движения его пока неуверенные, но старательные. Видно — учится.

Рядом — кузнецы. Огонь в горне пылает, металл краснеет, потом белеет. Молоты стучат — раз, другой, третий. Искры летят, как звёзды. Кузнец, чёрный от копоти, вытягивает кованую петлю, прикладывает к бревну. Подходит священник, осматривает, кивает одобрительно.

— Всё по чину, — говорит. — Господь видит труд ваш.

К вечеру работа затихает. Люди собираются у костра, греют руки, пьют чай из самовара. Разговоры — негромкие, будто боятся нарушить тишину, что опускается на село. Редкий снежок падает на горячие угли и тут же испаряется беззвучно.

— Храм — он как душа, — говорит седобородый плотник, помешивая угли. — Разрушили — больно. Восстанавливаем — значит, живём.

— Граф — молодец, — кивает другой. — Не бросил нас.

— Да не в графе дело, — возражает третий. — В нас дело. Кто бревно, кто рубль, кто молитву возносит... Вот и стоит. А вчера, слышь, молебен служили — чтоб Господь помог до весны успеть.

Кто-то осеняет себя крестным знаменьем, глядя на недостроенную звонницу. Другой тихо шепчет: «Лишь бы не повторилось...» — и тут же совершает крестное знамение.

А между тем ветер перебирает незакреплённые доски на стропилах — и кажется, будто храм уже начинает «петь», складывая свою первую, ещё несмелую песню.

Стемнело. На небе — звёзды, яркие, будто свечи. А на пригорке — силуэт строящегося храма. Ещё нет купола, ещё не все стены возведены, но уже чувствуется: будет. Будет храм. Будет молитва. Будет жизнь.

На пригорке — тишина. Чувствуется: завтра снова придут люди, снова застучат топоры, снова запахнет смолой. И снова — шаг за шагом, бревно за бревном — будет расти храм.

Потому что так надо. Потому что без него — нельзя.

2.2.2. Историческая справка

В 1848 году граф Пётр Иванович Апраксин, тайный советник, отстроил село Добродеевка заново. Первым делом взялись за храм — он стал знаком, что жизнь возвращается.

1 декабря 1848 года заложили новую церковь во имя Первоверховных апостолов Петра и Павла. Место выбрали неподалёку от прежнего храма. В ту пору было принято освящать церкви в честь небесных покровителей их устроителей — так и здесь: храм связал имя графа с церковной традицией.

На закладной доске высекли имена: император Николай I, императрица Александра Фёдоровна, наследник Александр Николаевич. Рядом — архиепископ Черниговский и Нежинский Павел, следом — сам граф Апраксин. Указали дату — 1 декабря 1848 года — и добавили главное: храм ставят взамен прежнего. Доска стала своего рода снимком империи: на одном камне сошлись царь, архиерей и помещик.

Руководить стройкой пригласили коллежского секретаря Филиппа Тимофеевича Лисовского — он приехал из Санкт-Петербурга. За духовную часть отвечали благочинный Иоанн Каченовский и приходской священник Андрей Сазановский. Их задача была простой и чёткой: следить, чтобы всё шло по канону. Каждый этап — от заготовки леса до отделки — проверяли внимательно.

Храм получился деревянным, только цоколь сложили из кирпича. План выстроили крестом: прямоугольный алтарь, боковые прирубы, вытянутая трапезная. К ней пристроили нижний четверик звонницы — он же служил папертью.

Фасады оформили в позднем классицизме. На боковых прирубках и паперти поставили четырёхколонные портики с лестницами и фронтонами. Карнизы сделали простыми, а окна обрамили наличниками с сандриками — так добились строгой, но изящной линии. Стены срубили из брёвен без остатка и обшили тёсом.

Материалы подбирали тщательно. Сосну и дуб рубили поблизости — следили, чтобы древесина была крепкой. Кровельное железо и кованые детали граф оплачивал из своих средств. Кирпич пошёл на цоколь, а известь и песок добывали тут же, проверяя, чтобы всё соответствовало строительным правилам. Так местные ресурсы соединились с капиталом помещика — и храм встал в срок.

История этого храма — не случайность. В ней сошлись воля владельца, труд крестьян и порядок империи. Каждый вложил своё: кто бревно, кто рубль, кто молитву. Храм стал не

просто зданием — он закрепил связь времён и сословий, показав, как восстанавливали жизнь после разорения.

2.2.3. От автора

Да разве поймёт, Господи, современный люд — что значит строить? Не просто брёвна складывать, не просто гвозди вбивать, а — строить, чтобы душа в каждом сучке, в каждом рубце жила... Чтобы не на год, не на десять, а — на века. Чтобы после нас — осталось.

Помню, как прочёл про тот декабрьский день. И вдруг — будто дверь в прошлое распахнулась: запах смолы, скрип снега, пар от дыхания. Будто сам стою у пригорка, руки в карманах, мороз пощипывает щёки, а впереди — люди, брёвна, костёр. И сердце сжимается: ведь всё — из мелочей. Из стука топора. Из инея на усах. Из тихого «аминь» у костра. Из взгляда, устремлённого в небо. Из молчания, в котором слышнее голос Божий.

А мы-то, мы-то... Всё ищем великих свершений. Всё хотим сразу: и славу, и признание, и результат. Чтобы громко, чтобы видно, чтобы в отчётах, чтобы «выполнено», «сдано», «утверждено». А там — в том храме — ничего громкого. Ни речей, ни манифестов, ни торжественных обещаний. Только работа. Только молитва. Только терпение.

И вот что важно: именно так — тихо, неспешно, с оглядкой и придыхом — и творится подлинное. Не на год, не на десять лет, а — на века. Потому что в каждое бревно вложена не просто сила, а душа. В каждый гвоздь — не расчёт, а вера. В каждое слово — не риторика, а молитва.

«Без нас — ни камня не ляжет», — говорит плотник, седобородый, с выцветшими от ветров глазами. О, как это просто — и как это страшно! Страшно, потому что снимает все оправдания: «я маленький», «меня не услышат», «я ничего не решаю». Нет уж: если без нас — не ляжет, значит, каждый из нас — опора. Каждый — созидатель. Каждый — ответчик перед вечностью.

А мы? Что мы создаем?

Мы умеем составлять сметы, проводить тендеры, подписывать акты. Мы знаем, как ускорить процесс, как сократить издержки, как отчитаться. Но умеем ли мы — молиться над делом? Умеем ли видеть в нём не средство к жизни, а саму жизнь? Умеем ли слышать, как дерево дышит?

Ведь храм — он не только из дерева и кирпича. Он — из тишины. Из памяти. Из боли. Из надежды. Из того, что нельзя измерить и взвесить, но без чего всё рассыплется в прах. Из слёз, которые не видны. Из молитв, которые не звучат вслух. Из рук, которые устали, но не сдались.

Смотрю на старика с выцветшими глазами. Он помнит, как горел прежний храм. Его руки дрожат, но он тешет бревно. И в этом — вся правда: прошлое не забыто, оно строится заново. В каждом ударе топора — память. В каждом вздохе — молитва. В каждом движении — вера. В каждом рубце — судьба.

Ты скажешь: «Это наивно». А я отвечу: без наивной веры в вечное — всё превращается в пыль. Ты скажешь: «Непрактично». А я спрошу: что практичнее — бетон или сердце? Что крепче — договор или молитва? Что долговечнее — цифра или память? Что сильнее — власть или любовь?

Мы боимся тишины. Мы бежим от неё, будто она — угроза. А именно в тишине — голос Бога.

Преподобный Исаак Сирин учил: «Без безмолвия не бывает истинного покаяния!» Он называл молчание тайной будущего века, а словеса — орудиями века сего. В этом противопоставлении — ключ: мы живём в «веке сем», где ценятся слова и скорость, но спасение — в приобщении к «веку будущему», где царит безмолвие.

Мы гонимся за скоростью, а спасение — в замедлении. Мы ищем великих дел, а великое — в том, чтобы просто делать. Просто верить. Просто терпеть. Просто любить.

А если мы уже разучились? Если в нас больше нет этого — способности верить, терпеть, строить не для себя? Что тогда — конец?

Нет. Не конец. Потому что пока есть хотя бы один человек, который понимает: без него — не ляжет; пока есть хоть искра этой веры — храм будет. Будет молитва. Будет жизнь. Будет надежда.

Потому что так надо. Потому что без этого — нельзя.

Храм — это не только стены и купол. Храм — это мы. Наши руки. Наши сердца. Наши молитвы. Наши слёзы. Наши мечты.

И пока мы помним об этом — он стоит. Стоит не на фундаменте, а на вере. Не на гвоздях, а на любви. Не на чертежах, а на жертве. Не на славе, а на тишине.

Так давайте же — строить. Не ради славы, не ради отчётов, а ради того, чтобы завтра, через сто лет, кто-то посмотрел на наш труд и сказал: «Здесь сошлись царь, архиерей, помещик... А за ними — мы. Без нас — ни камня не ляжет».

Потому что иначе — нельзя.

Глава 2.3. Освящение храма

2.3.1. Художественная реконструкция

«День, когда храм стал домом Господним»

В предрассветной тиши, под старой берёзой, едва уловимо дышит утро. Воздух пронизан предчувствием — тихим, как шёпот листвы, но осязаемым, будто сама земля затаила дыхание. В Добродеевке сегодня особый день: освящают новый храм во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла.

Ещё нет и семи часов, а у церкви уже толпится народ. Бабы в тёмных платках несут на расшитых полотенцах хлеб-соль, свечи, пучки полевой ромашки. Мужики в поддёвках переговариваются негромко, крестятся пред входом. Дети притихли, глаза — круглые, внимательные.

Храм на пригорке — свежая тёсаная древесина. Запах смолы и воска бьёт в нос. Ещё не всё готово: стены голые, иконостас временный, из простых досок. Но уже видно — строили с любовью, с усердием. Дерево будто дышит, ждёт кисти и молитвы.

У крыльца — благочинный и местный священник. Благочинный бережно разворачивает шёлковую ткань. В тишине — только его мерный голос да шёпот молитвы. Видно, как люди в толпе незаметно крестятся. Никто не говорит громко; всё — вполголоса, всё — по обычаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.